

Глава 1

Рада

Солнце заметно припекает. Ему нет никакого дела до того, что пришла осень. Уверена, мои щеки и плечи завтра будут красными, а на носу вылезут веснушки. Но я по-прежнему не могу сойти с места и оторвать взгляд от моря, которое волнуется под порывами теплого ветра. Слишком давно я видела его в последний и единственный раз, когда наш детдом выиграл какой-то городской конкурс и младшие группы отправили в санаторий на все лето. Сколько мне было? Девять?

Закрываю глаза и вдыхаю морской воздух. Вживую шест волн звучит гораздо приятнее, чем из ракушки, которую я несколько лет хранила под подушкой. Потом ее украли — иначе в нашем зверинце и быть не могло.

Ноги щекочет морская пена, и я невольно улыбаюсь. Думаю о нем. Ему бы здесь точно понравилось. Мурашки пробегают по телу, как представляю, что у меня когда-нибудь получится. Я обязательно отвезу его к морю.

— Эй, кроха! — быстро возвращает с небес на землю громкий голос Иры.

Мы работаем вместе. Невероятно, но ей удалось найти ко мне подход. Я даже не заметила, когда случилось так, что мы стали дежурить вместе. Не поняла, когда привыкла к тому,

что ее муж забирает нас из столовой, где мы иногда завтракаем по утрам, и везет домой. Уже не помню, когда перестала возражать — ведь я живу в противоположной стороне.

У семьи Пустовых явно талант, потому что сопротивлялась я этой поездке не одну неделю. Они спокойно выслушали мои доводы, но в день икс почти силком затолкали на заднее сиденье автомобиля, чтобы доставить к берегу Черного моря. Так я оказалась здесь, на Чемпионате России по плаванию, где муж Иры отвечает за безопасность.

Зачем им лишние заботы? Хотела бы я знать. Кажется, этим двоим нравится возиться с девятнадцатилетней беспризорницей. Наверное, потому что они почти вдвое старше и у них нет детей. Но я все равно упорно не позволяю себе прикипать. Нельзя. Потом будет больнее.

— Помощь нужна! — кричит Ира, когда я оборачиваюсь и, щурясь от солнца, пытаюсь ее разглядеть.

Шагаю на песок, подхватываю потрепанные кеды и спешу к Пустовой. Та уже с утра во всеоружии: с острыми стрелками и яркой помадой. Человек-праздник. И столько в ней искренней радости всегда, по-доброму завидую ее мужу.

— Что это за мешок на тебе? — окинув меня неодобрительным взглядом, выдает она.

Я опускаю глаза на безразмерную майку с логотипом и таинственной надписью «ВФП».

— Такую дали, меньше нет. Слушай, Ир, я все еще думаю, что это плохая идея.

— Божечки, она ж тебе почти до колен! — игнорируя меня, причитает та, пытаюсь заправить футболку спереди в велосипедки, но сдается. Тогда она слегка взбивает мне волосы над плечами и убирает челку с глаз, а затем смотрит так серьезно, что я невольно вытягиваюсь по стойке смирно.

— Отставить волнение. Я рядом. Делаем все вместе и вместе идем загорать, — Ира хитро подмигивает, — до старта девчонок у нас будет немного свободного времени.

Она ждет, пока я отряхну ноги и залезу в обувь, качает головой.

— Что?

Я хмурюсь, а Ира разглаживает большим пальцем морщинку у меня между бровей и широко улыбается.

— Тебя, красавица, ничем не испортишь.

И как она подбила меня на это безумство? С каждым шагом по пляжу эта мысль все отчетливее стучит в висках.

Я же ничего не знаю о плавании. Я даже плавать не умею! В детстве меня пытались научить, бросив в бассейн, я так перепугалась, что больше и близко к нему не подошла. А теперь я на главных российских соревнованиях на открытой воде, это первый этап на пути к Олимпийским играм. У спортсменов тут судьбы вершатся, что я здесь забыла? Ира с мужем пытались объяснить, что должны делать «судьи при участниках», но я и половины не запомнила.

Вижу толпу пловцов у палатки, волнение захлестывает. Набираю больше воздуха, затем выдыхаю. Я не трусиха, справлюсь.

— Скажи хоть, что такое «ВФП»? — шиплю Ире на ухо и сцепляю пальцы за спиной, чтобы побороть дрожь.

— Всероссийская Федерация Плавания. Бери фломастеры, кроха, и рисуй, я займусь остальным.

Пронуюсь с опущенной головой мимо всей очереди, беру маркер, резким движением оборачиваюсь и скрещиваю руки на груди. В фокус попадает светловолосый парень. Он со скучающим видом стоит чуть в стороне и ни с кем не говорит. Гидрокостюм спущен до пояса, открывая впечатляющую картину. Я таких только в кино видела. Но,

прожив всю жизнь бок о бок с ребятами, давно перестала обращать внимание — мальчишки любят щеголять без маск. Мне интереснее глаза. Часто, едва взглянув в них, можно понять о человеке все. И я пытаюсь. Солнце засвечивает лицо, но я вижу короткую щетину на щеках и очерченный подбородок.

Парень оборачивается, и на мгновение его накрывает тень. А в следующее меня будто током бьет — я знаю, о чем говорю, много розеток в детстве собрала.

— Глаза сломаешь, — выдаю я в ответ на прямой взгляд. — Ну? Подойдешь или до вечера ждать будем?

Он не двигается, ни один мускул на лице не дернулся. Чертов камень. А у меня коленки от страха дрожат.

— Эй, это я тебе! — повторяю я громко и четко и для убедительности качаю головой.

В детдоме тихой быть нельзя — забьют. Да и работа обязывает не шептать.

Расправляю плечи. Я вообще не из робких, но из-за того, что семнадцать лет прожила в четырех стенах и мира толком не видела, новые места и люди все еще смущают.

— Кроха, не надо...

Что именно мне не надо, я уже не слышу, потому как делаю шаг вперед и едва не сталкиваюсь с обладателем серых глаз.

Слишком близко. Он стоит невозможно близко, возвышаясь, как скала. Я замираю, потому что передо мной совсем не мальчик. Он выглядит гораздо взрослее. Мужественнее. Волосы заметно темнее, чем казались при ярком свете, брови гуще. Все черты резкие, как и острый взгляд, что царапает, без стеснения осматривая меня с головы до ног и, кажется, не находя ничего интересного.

Он шагает к столу и поворачивается спиной. Вокруг становится тише, или я выдумываю?

Отбрасываю мысли, снимаю колпачок с черного маркера.

— Фамилия?

Никакой реакции.

— Горский это, — шепчет на ухо Ира.

ЧСВ у парня зашкаливает, судя по манерам. Ну и ладно. Просматриваю фамилии в документах, нахожу его номер и молча тянусь, чтобы промаркировать спину. Правда, приходится потрудиться — недружелюбный Никита, как значится в списках, еще и очень высокий. Ну или я слишком маленькая с ростом метр шестьдесят.

Медленно вывожу номер пятнадцать на правой лопатке — выходит неровно, но я же впервые рисую на живом человеке. А еще я постоянно отвлекаюсь на его загорелую кожу и широкие плечи, за которыми можно спрятать не только меня. Не знаю, зачем я все это подмечаю. Бред. Но когда перехожу на левую сторону снова лишние пару секунд рассматриваю родинки, напоминающие кривое облако. С фантазией у меня все хорошо, я давно научилась представлять конфету вместо подсоленного риса, которым питалась последние пару лет.

После спины нужно разрисовать еще плечи и ладони, а для этого — обойти «номер пятнадцать» и встать прямо перед ним. Я прячу улыбку, сосредотачиваюсь, даже хмурюсь немного — пытаюсь выглядеть серьезно и не пялиться на мелкие шрамы, которые покрывают его руку чуть ниже локтя. И выше. Да все руки.

Не удержав равновесия на носочках, я слегка наваливаюсь на этого Горского. Маркер скользит неровной линией вниз, я одергиваю ладонь и тотчас пытаюсь все исправить.

Слишком усердно. Серые глаза уже смотрят на меня со злостью и раздражением.

— Долго еще?

Голос мягче, чем я ожидала, но он все равно похож на жуткую злобную ледышку. От него веет холодом даже в такую жару.

— Будет быстрее, если наклонишься, — огрызаюсь я в ответ.

Не отвечает. Снова. И конечно же не помогает, просто наблюдает вполоборота, пока на лице ходят желваки.

Я спешу закончить с ладонями. Опасность обычно чувствуется сразу, и сейчас моя защита выдает сигнал тревоги.

— Все, — говорю, отступая в сторону, но он отворачивается быстрее, забирает из рук Иры чип, табличку на шнурке, которую та по-умному зовет аккредитацией, и уходит. Плевать он хотел на то, что у него должны проверить длину ногтей, костюм и шапочку.

Ну и придурок.

На смену приходят другие ребята — более приветливые. Улыбаются, даже шутят, но я забираюсь в панцирь и лишь изредка киваю в ответ.

Когда последний пловец покидает палатку, я вздрагиваю от прикосновения.

— Ну ты чего? — Ира гладит меня по плечу.

Я не успеваю ответить, потому что мимо проходит девочка, которая помогала маркировать парней, и задевает меня плечом. Да что со всеми, а?

— По сторонам смотри! — не сдерживаюсь я.

— Не обращай внимания на Аллу, — успокаивает Ира, — она в Горского влюблена, сколько ее помню. Тут все привыкли, что она его маркирует.

— Ну а я при чем? — искренне недоумеваю.

— Обожаю тебя, девочка моя.

Ира сгребает меня в объятия. Она все время нарушает личное пространство, но я не могу ей сопротивляться.

— Пойдем соберем всех, дождемся старта и... — она смешно пританцовывает, — я покажу тебе такое место! Мечта! Там даже можно загорать топлес.

Глава 2

Рада

Звучит протяжный сигнал, пловцы устремляются вперед. Ловлю себя на мысли, что за всплесками воды и взмахами рук высматриваю номер пятнадцать. Сразу отвожу взгляд.

— Мы свободны? — спрашиваю у Иры.

Сейчас я с большей охотой окажусь в том месте, где она собиралась загорать без купальника. Даже это наводит ужас меньше, чем очередная мысль о ледышке. Насмотрелась уже, как он, забив на всех и не дослушав представление, вышел на старт. И чем, интересно, он звание заслуженного мастера спорта заработал?

— Конечно, — отвечает Пустовая. — Девчата, вы с нами?

Собрав всех желающих, мы недолго идем в гору и уже скоро оказываемся на возвышенности, откуда нас не видно. Ира спешно сбрасывает одежду и просит развязать ей лямки на шею. За ней повторяют другие дамы — разных возрастов и комплекций. Я даже радуюсь, когда Алла не следует их примеру, но радуюсь недолго. Она подсаживается ко мне и гордо задирает подбородок.

— Ты к Никите не лезь.

— Чего?

Такой подачи я точно не ожидала.

— Если ты рассчитываешь на что-то, спешу огорчить — у него невеста есть.

— Ой, справочное бюро запело, — смеется Ира. — Тебе, Аллочка, это никогда не мешало на него вешаться. Сама же говорила, он с невестой раз в полгода видится.

— К чему вообще этот разговор? — недоумеваю я.

— С Аллочкой все разговоры сводятся к Горскому.

Алла демонстративно отбрасывает на спину длинные светлые волосы и громко цокает.

— Найди ты уже себе нормального мужика, — встревает еще одна женщина, имени которой я не знаю. — Если он на модели своей не женился за десять лет, зачем ему *ты* нужна? Он в твою сторону даже не смотрит.

— Зато на Радку нашу как смотрел! Глаз отвести не мог! — встревает Ира, и впервые мне хочется ее стукнуть.

— Тебе показалось. Он просто злился, что я долго возилась. Шипел на меня.

— Он с тобой говорил? — удивляется Алла, широко распахнув глаза.

— М-м-м, да. У него же есть язык. Значит, он умеет говорить.

На этом диалог сворачивается. Аллочка встает, уходит на край выступа и подставляет лицо лучам солнца, а я наконец выдыхаю. Еще проблем с фанатками не хватало. Стягиваю огромную футболку и в купальнике, который одолжила мне Ира из старых запасов, заваливаюсь на подстилку и даже засыпаю ненадолго.

Ближе к полудню солнце печет беспощадно. Накрыв майкой голову и лоб, я переворачиваюсь на живот. Вокруг обсуждают соревнования и организацию. Мелькают неизвестные имена, много имен. Но вслушиваюсь я только при упоминании Горского.

— Да для золотого мальчика эти пять километров — просто разминка. Конечно выиграет. А толку-то? Опять пройдет все этапы с лучшим временем, а квалификацию на Олимпиаду завалит. Дважды было уже. Дал бы дорогу молодым, ему тридцатка скоро.

— И что? — вмешивается Алла, не удержавшись от комментариев. — Он в отличной форме. Возраст в плавании никогда не был помехой.

— Особенно с таким папочкой, как у него.

Девочки смеются, перемыывая кости Горскому и его семье.

— Почему «золотой»? Из-за отца? — повернув голову, тихо спрашиваю Иру.

— И поэтому. И потому что если выигрывает, то золото. *Золотой.*

Повторяю еще раз про себя, но это слово никак не вяжется с образом в голове. Холодный, ледяной — вот что ему ближе.

— Расслабься, — слышу я шепот под боком спустя время.

Прошло немало времени, судя по тому, что девочки допивают бутылку сидра.

— Не переживай, за ним присмотрят. Он уже взрослый мальчик.

Я понимаю, о ком говорит Ира, и мне становится стыдно, что вместо этого я думала о незнакомом парне, который слишком резко со мной обошелся. Злюсь на себя. Я уже собираюсь уйти и тянусь за майкой, когда у одной из женщин начинает трещать рация. Передают, что участнику номер пятнадцать понадобится срочная медицинская помощь. Все на миг замирают.

Аллочка подрывается первой, остальные за ней. Я на автопилоте повторяю движения.

Мы возвращаемся одновременно с тем, как лодка «скорой помощи» — если я правильно понимаю из суматошных разговоров — подплывает к плоту кормления. Алла бросается в толпу, Ира что-то обсуждает с суровым мужчиной. Все суетятся, машут рукам, кричат. А я растерянно стою на месте.

Замечаю, как парень рядом выводит напротив фамилии Горского в списке три английские буквы.

— Что это значит? — киваю на запись.

— Do not finish, — объясняет он. — Не финишировал.

Гул нарастает. Голова сама поворачивается в сторону, и я неосознанно открываю рот, шокированная увиденным. Подавшись вперед, я замираю у дорожки. Лицо Никиты в крови. Врач вытирает ее раз, второй, но она снова и снова проступает из разреза над бровью.

Горского окружают тренеры, судьи, все подряд, но он вырывается. Почти рассекая воздух, проносится мимо, не смотрит ни на кого и не слушает, когда его зовут. Горский со злостью бросает очки в песок и размашистым шагом мчит вперед.

Женщина с аптечкой нагоняет его у дальних палаток. Не без помощи подоспевшего тренера Горского усаживают на стул, закрывая от зевак. От меня. Я больше ничего не могу разглядеть.

— Как он все-таки похож на актера, который играл в фильме... блин, ну где фракции все эти были — одержимые там, дружные, — слышу обсуждения за спиной. — Как считаешь, шрамы красавчика не испортят?

Люди все-таки жестокие существа. Эгоисты. Никому нет дела до чужих проблем, каждый думает лишь о себе. Я нигде не вижу искренности, вокруг одна фальшь. Девочки смотрят на Горского как на лакомый кусок мяса, окружают его, лишь

бы оказаться чуточку ближе и урвать себе внимания. Участники других заплывов глядят с надеждой, что избавятся от сильного соперника. Тренер — с досадой и разочарованием. На самого Горского всем плевать.

Хорошо, что и до меня никому нет дела. Пока никто не видит, я поднимаю плавательные очки, перепачканные песком и кровью, и непонимающе на них смотрю — в голове не укладывается. Они разбиты. Будто от сильного удара.

Парень, перебирающий бумажки, бросает в мою сторону беглый взгляд.

— Разве так бывает? — в полном недоумении спрашиваю его.

Он лишь пожимает плечами.

— Контактный вид спорта. И не такое видел, когда одновременно много пловцов стартует. Даже в разорванных костюмах приплывают.

Я смотрю вдаль на спортсменов, которые завершают финишный круг. А потом замечаю, как в лодке сопровождения спорят двое. Да так ярко, будто готовы вцепиться друг в друга.

И что все это значит?

Глава 3

Рада

Жизнь идет своим чередом. Уже через пару часов о Горском никто толком и не вспоминает. Лишь две милые, но совершенно бестактные девушки обсуждают, выйдет ли тот послезавтра на заявленную дистанцию и следует ли утешить раненого бойца.

— Зная Никиту, я бы не приближалась к нему как минимум... да вообще не приближалась бы! — смеется одна.

— А вот я бы приблизилась. Желательно вплотную. Красивый гад все-таки!

Я закатываю глаза и отхожу подальше от сплетниц. Мне нет никакого дела до торжественной церемонии открытия, теории заговора на соревнованиях, я не ищу веселья или случайных связей.

— Ир, — зову Пустовую, — можно я на награждение не пойду?

Знаю, что мое присутствие необязательно. И без меня желающих поднести медали с дипломами полно.

— Все хорошо?

— Да, в порядке. Перегрелась, наверное, немного. В сон клонит, — говорю почти правду.

— Конечно, иди отдохни. Набирайся сил, вечером ты мне нужна. Мы хорошенько оторвемся!

Я киваю и сдержанно улыбаюсь. Не хочу заранее расстраивать Иру, хотя для себя уже решила никуда не идти после того, как она все уши прожужжала о важных мужчинах из руководства, которых для меня присмотрела. Неугомонная.

Уклоняясь от мимолетных и ненужных касаний, плетусь по кривой дорожке, пока не оказываюсь на пустынной площадке перед летними домиками, где живут судьи и некоторые участники. Отсюда хорошо видно бескрайнее море. И здесь спокойнее. Мне всегда спокойнее одной.

Наверное, я никогда не привыкну: к нормальному общению, к людям, близости. Я выросла в детдоме и не знала родителей, меня подкинули в дом малютки. За всю жизнь никто не объявился, хотя это даже к лучшему — не было поводов разочароваться.

Сама я никого не искала и ничего не ждала. Все дети мечтали об усыновлении, а я в двенадцать лет поняла, что не нуждаюсь в приемной семье. Я ни разу не разочаровывалась в друзьях, потому что всегда держалась особняком. Девочки у нас чаще дружили не с кем-то, а против кого-то. Однажды даже против меня пытались, но я не зря с тринадцати занималась борьбой — сумела дать отпор. И парням тоже.

Меня сторонились, потому что я всегда была немного другой. Не принимала за данность то, что мы имели, находила язык с воспитателями. С четырнадцати уже мыла полы за деньги и знала им цену. Я убиралась в доме нашей бухгалтерши, которая почти жила на работе. Взамен она учила меня готовить, ухаживать за собой, вести быт. Потому что — да, мы жили в хороших условиях, были сытые и одетые, да, нас не обижали воспитатели, — но никто, совсем никто не учил нас быть женщинами, с умом тратить деньги, платить за квартиру. По итогу многие ребята выпускались слепыми котятками.